

ИЗ САМИЗДАТСКОГО СБОРНИКА «СЛОВО ПРОБИВАЕТ СЕБЕ ДОРОГУ»

Вадим Борисов, историк

Дни гонений на А.И. Солженицына грозят обернуться новым позором для русской интеллигенции.

«Распни его», — требует руководящий орган. «Распни, распни», — вторят газеты помельче. «Распни, распни, распни», — послушным эхом подхватывают нечитавшие «читатели».

«Власовец, контрреволюционер, миллионер, нравственное чудовище» — все это рассчитано (в который раз!) на оглушение, оглуление, озлобление народа. Подстрекатели надеются, что их лживый хор, поддержаный «глушилками», сможет исказить правду. Правду о страшной лагерной судьбе наших отцов, матерей, детей, которую всему миру рассказал А.И. Солженицын в своей последней книге.

Но вы, Товстоногов, Симонов, Гамзатов и кто еще! Вы-то знаете, не можете не знать, на чьей стороне *правда*. Вы ведаете, что творите, когда вплетаете ваши голоса в улюлюканье и завыванье наемых распинателей. Ведаете — и предпочитаете опасной правде уютную ложь.

Так оставайтесь при ней, если стыд не обжигает вам лиц. Но остегитесь раслевать ею души соотечественников. Сегодня в их глазах вы еще — литературные иерархи, завтра — литературные убийцы.

А мы, молчаливое интеллигентное большинство! Мы тайно зачитываемся книгами писателя, держим его портреты на книжных полках. Но сейчас, когда уже не литературные, а настоящие убийцы бродят вокруг его дома и засыпают его грязными угрозами, — что мы делаем? Мы с жадным любопытством *ждем развязки*. «Бог не выдаст, свинья не съест» — не так ли? Мы умываем руки — и надеемся сохранить их чистыми?

Но в России, для которой жертвует собою Солженицын, еще достаточно благодарных сердец, которые скорее предпочтут разделить его судьбу, чем оставаться соучастниками в заговоре рабьего молчания.

30 января 1974 года.

«Архипелаг ГУЛАГ», 1918—1956, Солженицына — повесть, не роман, следовательно, не раскрытие правды через художественную истину, если говорить о литературных средствах выражения.

Значительное место в книге занимает Вторая мировая война. Совершенно ясно, что, говоря об этом периоде, никто не имеет права забывать о 56 миллионах погибших в Европе и Азии, среди них — 20 миллионов советских людей и 6 миллионов евреев, сожженных в крематориях концлагерей нацистами. Эти невинные жертвы мировой трагедии должны быть как бы камертоном нравственности. История войны немыслима без факта. Факт вне истории мертв. В этом случае он напоминает даже не любительскую фотографию, а тень фотографии, не мгновение правды, а тень мгновения. Вот именно эта зловещая и размытая тень то и дело возникает на страницах книги Солженицына, едва лишь он по ходу дела обращается к событиям Второй мировой войны...

Не могу пройти мимо некоторых обобщений, которые на разных страницах делает Солженицын по поводу русского народа. Откуда этот антиславянизм? Право, ответ наводит на очень мрачные воспоминания, и в памяти встают зловещие параграфы немецкого плана «ОСТ».

Великий титан Достоевский прошел не через семью, а через девять кругов жизненного ада, видел и ничтожное, и великое, испытал все, что даже немыслимо испытать человеку (ожидание смертной казни,

ссылка, каторжные работы, падение личности), но ни в одном произведении не доходил до национального нигилизма. Наоборот, он любил человека и отрицал в нем плохое и утверждал доброе, как и большинство великих писателей мировой литературы, исследуя характер своей нации. Достоевский находился в мучительных поисках Бога в себе и вне себя.

Чувство злой неприязни, как будто он сводит счеты с целой нацией, обидевшей его, клокочет в Солженицыне, словно в вулкане. Он подозревает каждого русского в беспринципности, косности, приносившей к ней стремление к легкой жизни и к власти, и как бы в восторге самоунижения с неистовством рвет на себе рубаху, крича, что сам мог бы стать палачом. Вызывает также, мягко выражаясь, изумление его злой упрек Ивану Бунину только за то, что этот крупнейший писатель XX века остался до самой смерти русским и в эмиграции.

Солженицын, несмотря на свой серьезный возраст и опыт, не знает «до дна» русского характера и не знает характера «свободы» Запада, с которым так часто сравнивает российскую жизнь.

«Архипелаг ГУЛАГ» мог бы быть «опытом художественного исследования», как его называет Солженицын, если бы автор осознавал всякое написанное им слово и осознавал формулу: критерий истины — нравственность, критерий нравственности — истина. Если бы он отдавал себе мужественный отчет в том, что история, лишенная правды, — вдова.

Любому художнику любой страны противопоказан длительное время находиться в состоянии постоянного озлобления, ибо озлобление пожирает его талант, и писатель становится настолько тенденциозным, что тенденция эта пожирает самую истину.

Ю.Бондарев. Из статьи «Ненависть пожирает истину»
(«Советская культура», 1 февраля 1974 года).

Борис Шрагин, кандидат философских наук
СОВЕСТНО...

Сквозь вой и писк глушилок слушают по радио новую книгу Александра Исаевича Солженицына «Архипелаг ГУЛАГ». Читаю всякий невнятный вздор о ней в газетах. И мне совестно. Совестно не за тех, кто по каким-то своим корыстным соображениям взялся закричать руганью ужасную правду: в конце концов, что же еще им делать? И не за тех, кто своим молчанием невольно попустительствует травле писателя и внутренне смирился с любой расправой над ним, на какую решится начальство: они либо дурно информированы, либо напуганы, либо повязаны страхом потерять работу, положение — все, что имеют.

Мне совестно, — как это только и может быть, — перед самим собой, за себя, в тишине собственной души. Кажется, нельзя жить по-прежнему, услышав эти прожигающие слова, нельзя воспользоваться ими для обличения прямых виновников, и только. Но мы это делаем. И вот от этого совестно.

Близоруко, если не подло, придавать этой книге узкополитический смысл. «Архипелаг ГУЛАГ» потрясает читателя обилием и концентрацией разоблачающих свидетельств, но это только первый и еще слишком поверхностный эффект. Пройдет немного времени, и все рассказанное там станет достоянием всеобщей осведомленности. С этим, хочешь не хочешь, но придется жить. И вот тогда выступит непреходящее значение этой книги — ее очистительная сила.

«Архипелаг ГУЛАГ» — книга жесткая, гневная, но добрая. Солженицын не на-

гнетает слепую ненависть, готовую лишь карать и казнить. Нет, он побуждает нас обратиться на самих себя, будит в нас задремавшую совесть, напоминает о нашей ответственности за зло, творимое вокруг. Он вернул нам великую нравственную силу русской литературы, ею высветил равнодушие и жестокость, в которых мы погрязли.

«Есть, есть Божий суд», — сказано в стихах Лермонтова, знакомых каждому из нас с детства. Но нас уверили, будто это всего лишь поэтический троп, вышедший из моды словоупотребление. Солженицын утвердил своей книгой, что Божий суд действительно есть.

С школы мы знали, что слова Достоевского о «слезе ребенка», которая так же дорога, как все счастье мира, — имеют цену только для обвинения помещиков и капиталистов. Мы смотрели с чувством снисходительного превосходства на мораль Толстого, твердо, кажется, зная, что убийство и насилие не всегда и не безусловно скверны, что хорошо, будто бы, когда мы убиваем, но плохо, когда убивают нас и наших. Мы так заблудились в этих ухищрениях своей партийной морали, что в конце концов принялись без разбору истязать и наших и не наших, и своих и чужих — всех, кто подвернется под горячую руку. Мы потеряли всякое представление об абсолютной ценности человеческой жизни и свободы. И вот Солженицын показал последствия утраты людьми самых первичных, самых изначальных нравственных опор и тормозов. «Кайн, где брат твой Авель?» — таков вопрос, вставший сегодня перед всеми нами.

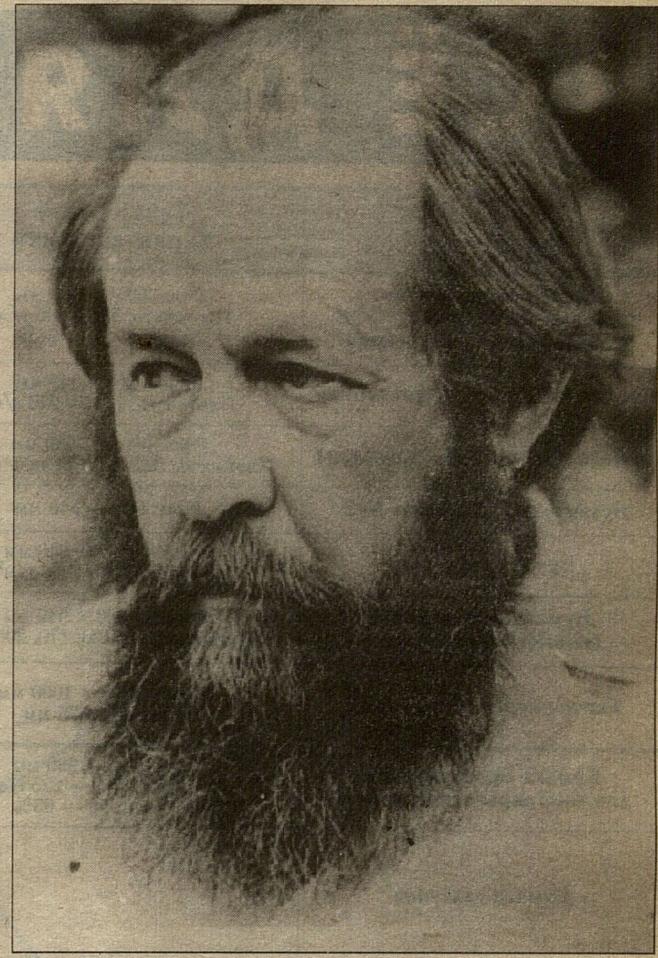
И поэтому глупо спорить, было ли прежде рассказано то, что обнажило перед миром талант Солженицына. И не могло быть рассказано теми, кто и сейчас еще находится под яростью перед правдой «Архипелага ГУЛАГа». И не могло быть рассказано потому, что не испытывали те рассказчики трагического потрясения. Если бы все смотрели на вещи глазами Солженицына, то и не насторонили бы ужасов и мерзостей, и не было бы нужды их разоблащать.

Тайна и авторитет, — как в «Великом инквизиторе» Достоевского, — заместили совесть. Показалось, что достаточно скрывать свои деяния от постороннего взгляда, чтобы спокойно жить, чтобы комфортабельно обставлять свои квартиры, ласкать женщин и производить потомство, чтобы и глазом не сомневнувшись сказать фразами про гуманизм и счастье всего человечества. Одни скрывали, а другие повторствовали этому сокрытию, так как правда лишала покоя. И приносились, и приносятся новые жертвы, чтобы убрать неугомонных свидетелей. Но вот силой духа, силой таланта зазвучали придушенные крики истязаемых, и коснулся нашего обоняния запах трупов, едва заброшенных землей.

Простоте и весомости слова противостоят грубая и неповоротливая машина насилия. «Архипелаг ГУЛАГ» — это безраздельная победа слова. Она возвращается нам, разуверившимся, веру в добро и надежду.

Поэтому не шумихой, не скандалом, не препирательствами хотелось бы ее встретить, а сосредоточенностью и молчанием. Надо бы смиренно склонить головы перед этим монументом, увековечившим наконец память о жертвах разнудившегося произвола.

3 февраля 1974 года.

Лидия Чуковская

ПРОРЫВ НЕМОТЫ

Я полагаю, что выход в свет в 1973 году новой книги Солженицына «Архипелаг ГУЛАГ» — событие огромное. По неизмеримости последствий его можно сопоставить только с событием 1953 года — смертью Сталина.

В наших газетах Солженицына объявили предателем.

Он и в самом деле *предал* — не родину, разумеется, за которую он честно сражался, и не народ, которому приносит честь своим творчеством и своею жизнью, а Государственное Управление Лагерей — ГУЛАГ — *предал* гласности историю гибели миллионов, рассказал с конкретными фактами, свидетельствами и биографиями в руках историю, которую обязан знать наизусть каждый, но которую власть по непостижимым причинам изо всех сил пытается *предать забвению*.

Кто же предательствует?

ХХ съезд партии приоткрыл над штабелями трупов окровавленный край рогожи. Уже одно это спасло в пятидесятые годы от гибели миллионы живых, полуумртвых и тех, в ком теплилась жизнь еще на один вздох. Хвала ХХ съезду. ХХII вынес решение поставить погибшим памятник. Но, напротив, через недолгие годы, злодеяния, совершившиеся в нашей стране в еще никогда не виданных историей масштабах, начали усердно выкорчевывать из памяти народа. Погибли миллионы людей, погибли все на один лад, но каждый был ведь не мухой, а человеком — человеком своей особой судьбы, своей особой гибели. «Реабилитирован посмертно». «Последствия культуры личности Сталина». А что сделалось с личностью, — не с тою, окруженною культом, а той — каждой, — от которой осталась одна лишь справка о посмертной реабилитации? Куда она девалась и где похоронена — личность? Что стало с человеком, что он пережил, начиная от минуты, когда его вывели из дома, — и кончая минутой, когда он возвратился к родным в виде справки?

Что стоит за словами «реабилитирован посмертно» — какая жизнь, какая казнь? Приблизительно с 1965 года об этом приказано было молчать.

Солженицын — человек-предание, человек-легенда — снова прорвал блокаду немоты; вернул совершившемуся — реальность, множеству жертв и судеб — имя, и главное — событиям их истинный вес и поучительный смысл.

Мы заново узнали — слышим, видим, что это было такое: обыск, арест, допрос, тюрьма, пересылка, этап, лагерь. Голод, побои, труд, труп.

«Архипелаг ГУЛАГ». Москва, 4 февраля 1974 года.